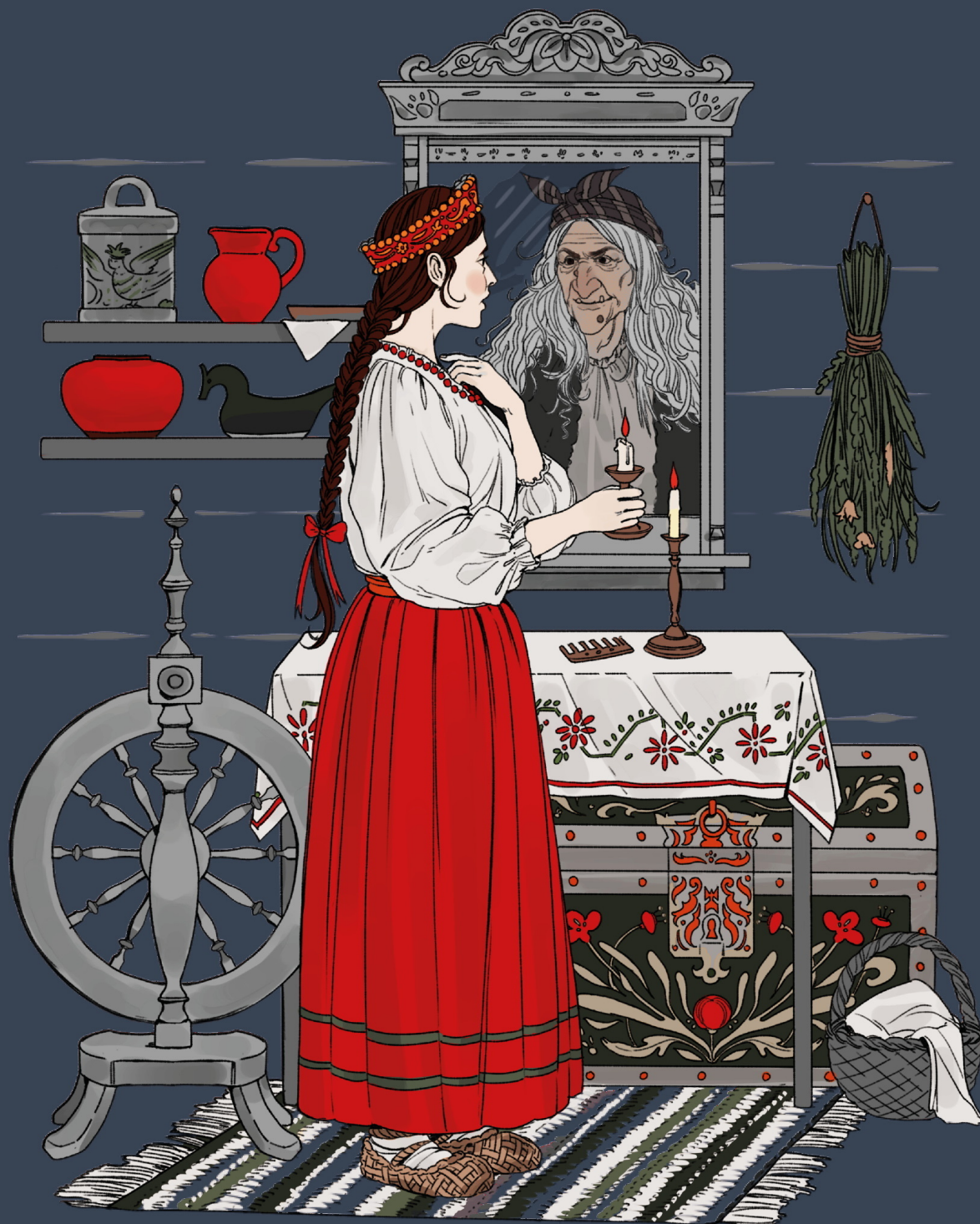

ВЛАДИМИР
ДАЛЬ

ДМИТРИЙ
ШЕППИНГ

ПОВЕРЬЯ, ОБРЯДЫ
И СКАЗАНИЯ
РУССКОГО НАРОДА

Русская ДНК. Мифы, сказки, былины

Владимир Даль

**Поверья, обряды и
сказания русского народа**

«ЭКСМО»

XIX век

УДК 398(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

Даль В. И.

Поверья, обряды и сказания русского народа / В. И. Даль —
«Эксмо», XIX век — (Русская ДНК. Мифы, сказки, былины)

ISBN 978-5-04-254084-4

Русалки и лешие, домовые и кикиморы, заговоры, вещие сны, святочные гадания и обереги — многие из этих образов знакомы каждому с детства благодаря народным сказкам. Они и правда кажутся частью сказочного мира, хотя еще сравнительно недавно были привычной частью повседневной жизни наших бабушек и дедушек. В этой книге объединены два классических исследования, посвященных народным верованиям и славянской мифологии. Эта книга — возможность увидеть привычные сказочные сюжеты как часть живой культурной традиции и узнать, во что верили наши предки, как объясняли окружающий мир и почему многие древние представления сохранились до наших дней. Она станет особенным подарком каждому ценителю русской культуры. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

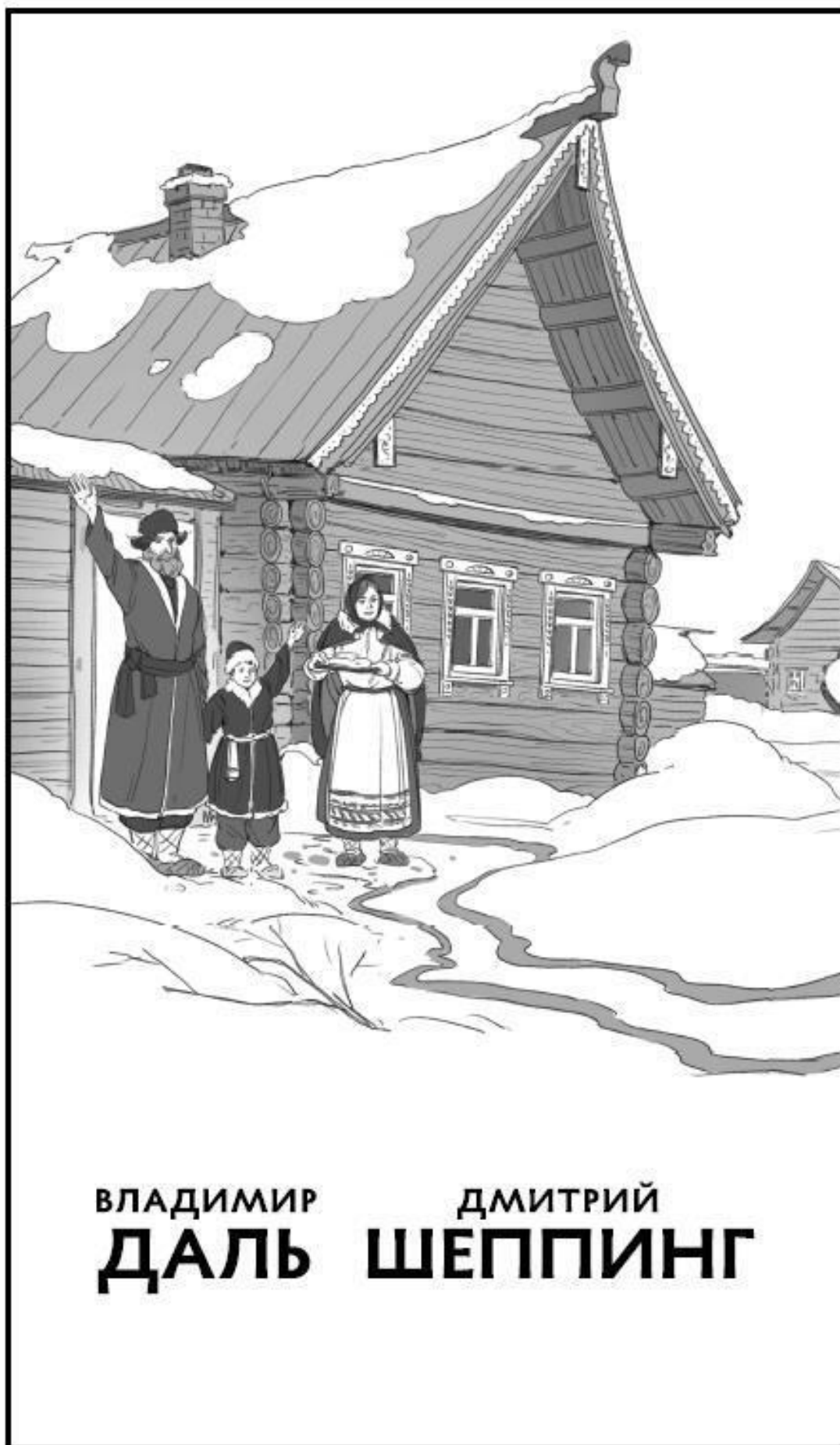
УДК 398(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-254084-4

© Даль В. И., XIX век
© Эксмо, XIX век

Содержание

Владимир Иванович Даль	9
Вступление	9
I. Домовой	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Владимир Даль, Дмитрий Шеппинг
Поверья, обряды и сказания
русского народа. О поверьях,
суевериях и предрассудках русского
народа. Русская народность в
ее поверьях, обрядах и сказках**

**ПОВЕРЬЯ, ОБРЯДЫ
И СКАЗАНИЯ
РУССКОГО НАРОДА**

Серия «Русская ДНК. Мифы, сказки, былины»

© Царская Е. Д., иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Владимир Иванович Даль О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа

Вступление

Шиллер сказал: «и в детской игре кроется иногда глубокий смысл» – а Шекспир: «и на небе и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне». Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, – то сомнение, или неверие, очень

часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмехаться над всеми народными предрассудками, без разбора, – сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои, человек надел на себя – по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, – но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, – этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно *суеверием* или, по новейшему выражению, *предрассудком*. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать или не делать. Из этого усматривается, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собою, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же, наконец, поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник или собрание подручных в настоящее время запасов [Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в Сказаниях г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: Русские суеверия, Чулкова, в которой, впрочем, весьма немного русского].

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной полосы отличаются также злобою своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет сряду занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-

нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, – которая новых замысловатых преданий не рождает.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место – это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодцевание умников или бойких над смиренными; старание поработить умы самым сильным средством – общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья – остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление.

Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Запугав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразоваться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

Засим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть – может быть, только до поры до времени – небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть, в нем смысла нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, – или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятного ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья без сомнения можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов пиитических, и к крайнему

убежищу невежества, которое не менее, как и самое просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, – мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, – и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословые лица, о коих мы хотим теперь говорить, – возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют собственно нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел*, поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран, – и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовый, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны – или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

І. Домовой

Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или *постень*, также *лизун*, когда живет в подполье с мышами, – а в Сибири *суседко*, – принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплет, отчего остаются синяки, которые, однако, обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опамяться, спрашивают домового, когда он щиплет: любя или не любя? к добру или к худу? и устаиваются ответа, а именно: домовый плачет или смеется; гладит мохнатой рукой или продолжает зло щипаться; выберит или скажет ласковое слово. Но домовый говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, к худу. Иногда домовый просто толкает ночью, будит, если хочет уведомить о чем хозяина, и на вопрос: что доброго? предвещает теми же знаками, добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовый погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невзлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет. Услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скребет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки; иногда он сядет ночью на коня и задает конец, другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побейкой испорчена; они уверяют тогда, что домовый наездил так лошадь и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает ее: не дает есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчесывай, он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадет с тела. Такая лошадь пришлась не по двору, и ее непременно должно сбить. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад либо протащит ее бедную в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами. Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если рано пойдет на конюшню, когда еще кучер, после ночной погулки, не успел проспаться и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные могарычи, то лошадь точно, наконец, взбесилась вовсе, не вынеся мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дробы в ухо; а как у лошади

ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и, принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название алец, кошмар, а у нас нет другого, как домовый душил.

Он, впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовый иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такою же русскою бранью; кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это время также спрашивают: к добру или к худу? и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще, он более знается с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает, чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клети, сених, чулане, в порожней половине, или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадется. Перед смертью хозяина он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового в шапке – самый дурной знак.

Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: «хозяин домовый, пойдем со мной в дом». Коли ему полюбится житье, то станет жить смирно и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить.

Голоса его почти никогда не услышишь, разве выбранит кого-нибудь, или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с древка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовый не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет, однако же, связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовый ездил на козле. Иные объясняют поверье это так: лошади потеют и болеют, если в конюшне водится ласочка, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.